

Последовательность программы, глубина и точность выводов¹

Рецензируемая монография является продолжением ряда фундаментальных работ Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Следует отметить характерную деталь: авторы говорят о заметном вкладе в исследование заявленной темы Е.А. Плаксена, который активно проводил опросы общественного мнения населения юга российского Дальнего Востока о взаимоотношениях России с сопредельными странами Северо-Восточной Азии. Сам Е.А. Плаксен публиковался нечасто, поэтому следует отметить благородный жест признания его заслуг авторами монографии.

В начале книги определяются общероссийские, международные и региональные факторы формирования общественного мнения на юге Дальнего Востока России в отношении Китая, Японии, США, КНДР и Республики Корея. Справедливо отмечается, что «для массового сознания россиян этого периода были характерны такие черты, как:

- а) рудименты идеалов социализма и шаблоны периода „холодной войны“;
- б) трансформация общественно-политических ценностей — весьма противоречивое восприятие разными слоями населения идеалов свободы и демократии;

¹ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Владивосток: Дальнаука, 2011.

- в) влияние „запада“ — американской массовой культуры, зарубежной церкви;
- г) воздействие с „востока“: рост популярности японской культуры, экономического влияния Китая;
- д) возрождение национализма, шовинизма и расизма» (с. 14).

Авторы описывают исторический фон, на котором формировалось мнение дальневосточников о странах тихоокеанского бассейна. Они устанавливают, что именно 1995 год был поворотным пунктом в отношениях России с Западом и Востоком: «...прологом тому стало Брюссельское совещание министров иностранных дел НАТО в декабре 1994 г., где было официально провозглашено намерение организации двигаться на Восток» (с. 18—19).

Вместе с тем авторы делают важное заключение, что «уровень симпатий дальневосточников напрямую не связан с состоянием межгосударственных отношений» (с. 199). В этом контексте необходимо обратить внимание и на другой вывод: «Возможность передачи Японии „северных территорий“ большинство дальневосточников отвергали в корне» (там же). При более детальном анализе отношений с Японией выявляется следующее: «... отношение к Японии — это, наверное, один из основных парадоксов общественного сознания и россиян в целом, и тех, кто живёт на восточных окраинах страны, в непосредственной близости от Японии» (с. 213). Этот парадокс заключается в своего рода амбивалентности: «Симпатии к Японии носят в значительной степени абстрактный характер, тогда как подходы к двусторонним отношениям — достаточно приземлённые и отталкиваются от национальных интересов и приоритетов России и весьма прагматических интересов самих дальневосточников» (с. 214).

Интересен вывод авторов об отношении жителей региона к Республике Корея: «Большинство дальневосточников не считают Южную Корею враждебным государством, несущим угрозу интересам России. Как уже отмечалось в главе 2, опасной её считали в 2010 г. только 16% опрошенных — самый низкий уровень для всех дальневосточных соседей России» (с. 228).

Представляет также интерес итоговый вывод об общественном мнении населения Дальнего Востока России по поводу сопредельных стран: «Два десятилетия внешней открытости и вынужденной экономической переориентации тихоокеанской части России на Восток не привели к кардинальным переменам в мировоззрении жителей этого региона. Европейская цивилизационная доминанта вместе с идеологическим наследием советских времён крепко удерживают их сознание в лоне европоцентризма. Азиатский мир по-прежнему рассматривается как привлекательная экзотика, но в то же время как чужая и потенциально опасная реальность» (с. 308).

В заключение следует отметить, что рецензируемое исследование представляет не только академический интерес. Осуществляемый на протяжении длительного времени своеобразный мониторинг общественного мнения позволяет региональным властям осуществлять выработку адекватной политики во взаимоотношениях с зарубежными диаспорами, по-разному представленными на юге Дальнего Востока России. Несмотря на сложность ситуации с иностранным населением российского Дальнего Востока, на протяжении исследуемого периода не было сколько-нибудь заметных конфликтных ситуаций с участием местного населения и мигрантов из соседних азиатских государств.